

Когда Юэ Цянь добрался до «Цзинмэй Таюань», поминальный шатер уже стоял. Внутри, среди венков и белых лент, суежилась высокая, до боли знакомая фигура. В гробу, где полагалось лежать покойному, покоились лишь охапки хризантем и бумажная фигура.

Небо окончательно потемнело. Представление еще не началось, и многие гости коротали время за маджонгом или просто выпивали за поминальными столами. Офицер подскочил к Инь Мо, который как раз поправлял ленту на одном из венков. Тот заметил гостя, и его губы тронула лукавая усмешка, в которой, впрочем, сквозила изрядная доля яда.

— О, офицер Юэ из отдела тяжких преступлений! — пропел он. — Добрый вечер.

— Ты что здесь устроил? — Юэ Цянь схватил собеседника за лацкан куртки и бесцеремонно вытащил из шатра.

Тот невозмутимо поправил примятую одежду и с невинным видом развел руками:

— Работаю. На кусок хлеба зарабатываю. А что не так?

Юэ Цянь обернулся и бросил взгляд на портрет в траурной рамке — с него на них смотрел Чжу Цзяньшоу.

— Ты хоть знаешь, кто этот человек?

Инь Мо лишь загадочно улыбнулся.

Офицер понял, что задал глупый вопрос. Этот парень прекрасно знал, кто такой Чжу Цзяньшоу, знал, что отдел расследует его убийство, и именно поэтому вцепился в этот заказ!

— Ты это специально, — Юэ Цянь вперил в него обвиняющий взгляд.

— О чем ты? Разве можно отказываться, когда работа сама идет в руки? — Инь Мо прищурился, продолжая улыбаться. — У нас, знаешь ли, тоже не сахар. В поселке всё прикрыли, людям семьи кормить надо. Если я не буду брать заказы, Сестре Цин будет нечем платить зарплату. К тому же ты обещал помочь с работой, а сам даже на сообщения не отвечал. Пришлось крутиться самому.

— И из всех вариантов ты выбрал именно этот?

Инь Мо загнул один палец:

— Во-первых, семья Чжу очень щедро платит. — Он загнул второй. — Во-вторых, в «Цзинмэй Таюань» разрешают ставить шатры. В городе с этим строго, правила жестче, чем в провинции. Такой шанс упускать грешно.

Дело было сделано, и у Юэ Цяня не было формальных причин мешать Инь Мо зарабатывать. Но он и представить не мог, что семья Чжу решит устроить пышные похороны в такой момент. Последним, кто устраивал поминки без тела, был Ли Фухай.

— Кто на тебя вышел? Чжу Таотао?

Тот разблокировал телефон и показал экран. В списке контактов значилось «Сестра Чжу».

— Пришлось побегать, — пояснил Инь Мо. — Я раздавал листовки в районах, где живет много стариков. В «Цзинмэй Таюань» я уже работал в прошлом году, остались кое-какие связи с администрацией. Здесь вопрос с поминальными обрядами решили голосованием жильцов — даже выделили специальную зону. Сегодня днем мне позвонили из ТСЖ, сказали, что есть клиент на шатер, но случай особый. Сказали, что человека убили, тело в морге, а родственники из другого города попросили администрацию организовать всё заранее, пока они сами добираются.

История с убийством гремела на весь город, в дело уже влезли блогеры и зоозащитники. Администрация обзвонила несколько ритуальных контор, но все в страхе отказались. Инь Мо же согласился, но выставил двойной ценник. ТСЖ тут же заверило его, что клиент при деньгах и готов платить втрое.

— Это сестра Чжу Цзяньшоу? — уточнил Юэ Цянь.

Инь Мо кивнул:

— Да, со мной говорила старшая — Чжу Мэйфэн. Вся их семья едет из Цанлуна, скоро должны быть здесь.

Пока отдел тяжких преступлений только налаживал мосты с коллегами из Цанлуна, Чжу Мэйфэн со свитой уже была на подлете. Юэ Цянь решил не возвращаться в управление. Он уселся за один из столов в шатре и тоже принялся за поминальную трапезу.

Инь Мо какое-то время наблюдал за ним, а потом присел рядом.

— Не слишком ли ты расслабился?

— А что такого? Поминки же, — Юэ Цянь, намотавший за день сотни километров между Наньхэ и Чуаньси, чувствовал, как в животе поет пустота. Обед из фургона давно испарился. Угощение в доме Чжу явно заказывали дорогое — столы буквально ломились от яств.

Продолжая жевать, офицер спросил:

— Чего ты за мной хвостом ходишь? Венки расставил? Почему не переодеваешься? Где твоё платье?

Инь Мо выгнул бровь:

— Не терпится увидеть меня в наряде?

Юэ Цянь поперхнулся:

— Я что, похож на извращенца? Просто кое-кто сам вечно наряжается, а мне не повезло это увидеть.

— Кое-кто сегодня решил обойтись без платья, — рассмеялся собеседник. — Ты, кажется, разочарован?

— Разочарован? Я?! — Юэ Цянь выдал сухой смешок, но тут же внимательно оглядел Инь Мо.

Старик Вэнь говорил, что кокосовые пирожные у него заказывала женщина. Но следовательно нутром чуял: это мог быть мужчина в женском обличье.

«Переодевание в женщину — прием не новый, а тут и вовсе живой пример перед глазами»

— Я знаю, что моё лицо чертовски притягательно, но не стоит так откровенно пялиться, — Инь Мо коснулся своей щеки, и в его глазах заплясали бесенята. — Офицер Юэ, ты сейчас при исполнении или как?

Наглец без капли стыда! Юэ Цяню надоело слушать это ехидное «офицер».

— Обязательно так паясничать?

— О чем ты? Ты ведь теперь и впрямь важный чин из отдела тяжких преступлений. Больше не наш деревенский Цянь-цзы, — Инь Мо явно вошел во вкус. — Цянь-цзы был таким добрым, простым. Даже когда я задолжал ему денег, он всё равно обо мне помнил. А офицер Юэ пошел в гору и вмиг позабыл, что обещал приглядывать за мной.

— Я тебе это еще припомню! — Юэ Цянь уткнулся в тарелку, решив не поддаваться на провокации. — Кто все эти люди?

Инь Мо подпер голову рукой, лениво оглядывая присутствующих.

— За информацию придется платить.

— Тебя спрашивает офицер полиции. Прошу сотрудничать со следствием!

— ...

Собеседник на мгновение лишился дара речи.

— В основном — соседи. Раз уж в этом комплексе разрешили ставить шатры, то на поминки приходят все — и близкие, и едва знакомые. А вон за тем столом, говорят, сидит старая гвардия с судостроительного завода. Как только прознали, тут же явились.

Юэ Цянь проследил за его взглядом. За столом сидели старики примерно того же возраста, что и Чжу Цзяньшоу. Поверхность была уставлена пустыми бутылками. Согласно материалам дела, погибший давно не поддерживал тесных связей с бывшими коллегами. Откуда они узнали? И как успели так быстро собраться?

Следователь уже собирался подойти к ним и расспросить, когда снаружи раздались крики. Голос показался знакомым. Отложив палочки, он выскочил из шатра и увидел Чжу Таотао, который в ярости напал на сотрудника ТСЖ.

— Кто вам позволил это устроить?! Отца здесь даже нет! Мать в больнице при смерти, для кого этот цирк?! Снесите! Сейчас же всё снесите!

— Господин Чжу, не кричите на нас! Это распоряжение ваших родственников. Мы с этого ни копейки не имеем! Спросите свою семью, и всё поймете!

Глаза Чжу Таотао налились кровью, он явно был на грани срыва. Прежде чем он успел натворить дел, Юэ Цянь перехватил его за плечо:

— Это распоряжение твоей старшей тети.

Племянник замер. Прошло немало времени, прежде чем он хрипло выдавил:

— Старшая тетя?..

После вчерашнего допроса молодой человек в полном смятении отправился в больницу. Вид иссохшей Мэй Лисянь потряс его. Стало ясно, что её дни сочтены. С того дня, как он привез её в приемный покой, он ни разу не заглянул к ней.

Его чувства к матери всегда были клубком противоречий. В детстве она была его единственной

защитой, но она же была такой жалкой, такой бессловесной. Она всегда покорно принимала сторону Чжу Цзяньшоу только потому, что у его сестер были деньги. Мэй Лисянь не смела поднять головы в их присутствии. Племянник жалел её, но и презирал за эту слабость. Теперь, когда мир рухнул, он наконец нашел в себе силы навестить её. Она была слишком слаба, чтобы плакать или говорить, но перед тем как он ушел, она едва слышно прошептала, что о смерти отца нужно сообщить теткам.

В тот момент он ощутил вспышку ярости — мать оставалась безвольной тенью до самого конца. Сейчас, опустошенный и измотанный, он смотрел на администратора ТСЖ и бормотал:

— Зачем всё это... Человека нет, к чему этот балаган...

Сотрудник ТСЖ в растерянности посмотрел на Инь Мо. Тот лишь развел руками:

— По-вашему, я могу сейчас всё свернуть? За венки и музыку отвечаю я, но не за банкет. Как я выгону всех этих людей?

Чжу Таотао обхватил голову руками и опустился на корточки, едва ли не колотя себя по макушке.

Инь Мо наблюдал за этой сценой с холодным безразличием. Юэ Цяню на миг показалось, что ежедневная близость к смерти сделала этого парня пугающе черствым.

Во двор въехали две машины. Свет фар ударил Чжу Таотао в лицо. Юэ Цянь прищурился, глядя на прибывших. Из первой машины вышла пожилая дама. На ней было строгое черное пальто, волосы уложены в высокую прическу. Она выглядела властной и дородной, а на её лице застыла суровая маска.

Следователь мгновенно сопоставил её с фотографией из кабинета — это была Чжу Мэйфэн. Следом из машины вышла женщина помоложе, вероятно, третья сестра — Чжу Мэйсинь. За ними потянулись остальные: седой мужчина, мужчина средних лет и молодая девушка.

Похоже, клан Чжу собрался почти в полном составе.

Племянник, пошатываясь, поднялся:

— Тетя Мэйфэн, тетя Мэйсинь... Вы приехали...

Старшая тетя с покрасневшими глазами обняла его:

— Мы здесь. Мы устроим твоему отцу достойные проводы, не волнуйся.

Но Чжу Таотао лишь отчаянно затряс головой:

— Тетя, уберите это всё, прошу! Отца... отца ведь убили!

Лицо Чжу Мэйфэн мгновенно окаменело.

— Смерть должна быть встречена с почтением. Неважно, как ушел твой отец, мы обязаны похоронить его как подобает! Что люди скажут о семье Чжу, если мы всё бросим? И прекрати эти нюни! Мы потому и примчались в такую даль, что знали — на тебя положиться нельзя!

Отрезав племянника, женщина больше не удостоила его взглядом. Она обвела шатер цепким взором:

— Кто здесь господин Инь?

Инь Мо шагнул вперед:

— Госпожа Чжу.

Она придирчиво оглядела его, затем зашла внутрь шатра. Осмотр, видимо, её удовлетворил, но она распорядилась добавить еще венков — чем пышнее, тем лучше. Остальные члены семьи потянулись к портрету: зажигали благовония, жгли ритуальную бумагу. Чжу Таотао после выговора совсем поник; он послушной тенью следовал за родственниками, выполняя любое указание.

Вчера он жаловался, что тетки всю жизнь помыкали им, и он их до смерти боится. Сейчас Юэ Цянь видел перед собой не взрослого мужчину, а безвольную марионетку. Даже после смерти самой влиятельной из сестер — второй тетки — он не нашел в себе сил на протест.

Следователь перевел взгляд на Чжу Мэйфэн. В её глазах читалась скорбь, но она явно пасовала перед вещами, которые считала куда более важными: семейным долгом и престижем фамилии.

Словно почувствовав на себе чужой взгляд, старшая тетя обернулась. Её глаза быстро выхватили Юэ Цяня из толпы. Несмотря на шум и суету в шатре, она долго и пристально изучала незнакомого молодого человека.

— Ты кто такой? — она медленно подошла к офицеру.

Юэ Цянь предъявил удостоверение. Чжу Мэйфэн нахмурилась, на её лице отразились неприязнь и холодное пренебрежение. Она коротко и зло рассмеялась:

— Вы, полицейские, — самые бесполезные существа на свете.

Седоволосый мужчина, услышав это, поспешно подошел и приобнял её за плечи:

— Полно тебе, дорогая. Офицер просто выполняет свою работу. — Он виновато кивнул Юэ Цяню. — Простите её. Я муж сестры Чжу Цзяньшоу. Жена только что потеряла брата, она сама не своя.

Старшая тетя резко сбросила его руку.

— Работа? Какая работа?! — саркастично бросила она. — Ты так печешься об их «работе»? Что ж ты тогда сам ушел из органов, раз это так важно?

Юэ Цянь невольно взглянул на мужчину. Тот еще несколько раз попытался мягко успокоить супругу, пока она не ушла к Чжу Мэйсинь жечь бумагу перед алтарем. Офицер обратился к нему:

— Вы раньше служили в полиции?

Мужчина вздохнул и покачал головой:

— Давно это было.

Видя, что он держится особняком от шумной родни, Юэ Цянь предложил ему отойти под фонарь за пределами шатра.

Мужчину звали Хэ Ли. Когда-то он действительно работал в полиции Цанлуна, но когда бизнес жены пошел в гору, ей понадобились доверенные люди. Он, по его собственным словам, был человеком мягким и быстро понял, что для суровой службы не годится. Он оставил форму и перешел в компанию супруги, где все эти годы, по сути, оставался на вторых ролях.

— Сестры умеют делать деньги, а моё дело — чтобы в доме был порядок, — смущенно пояснил он.

Юэ Цяню нужно было прояснить ситуацию в семье. Он кивнул в сторону шатра:

— А остальные?

— Спутник третьей сестры. Та девушка — её дочь. Как только узнали новости, сразу прыгнули в машины. Весь день в пути.

— Семья Чжу Мэйцзюань в курсе? — спросил следователь.

— Видите ли... — Хэ Ли замялся. — Мэйфэн звонила Старику Вэю, но у него сейчас свои трудности, он не смог приехать. Вэй Цзинь — это муж нашей второй сестры.

— Я слышал, что после смерти Чжу Мэйцзюань ваши связи с этой ветвью семьи ослабли?

Хэ Ли удивленно вскинул брови:

— Откуда такие сведения?

Юэ Цянь оставил вопрос без ответа.

Хэ Ли немного подумал и горько усмехнулся:

— Наверное, Таотао наговорил. Его можно понять, он до смерти боится своих теток.

— А что за трудности у Старика Вэя?

— В прошлом году... — Хэ Ли понизил голос. — Его дочь, Яхуа, пропала без вести. Вэй Цзинь места себе не находит от горя.

Племянница Чжу Цзяньшоу исчезла? Юэ Цянь мгновенно подобрался.

— Когда именно это случилось? Что говорит полиция?

Хэ Ли покачал головой:

— Точно не знаю. Они не очень-то доверяют властям, не хотели подавать заявление. Обратились ли они в итоге в полицию — мне неизвестно.

Юэ Цянь хотел было продолжить расспросы, но из шатра донесся резкий окрик Чжу Мэйфэн:

— Ты чего там застрял?! А ну иди сюда, бумагу жги! Вечно тебя подталкивать надо!

Хэ Ли виновато улыбнулся следователю и поспешил обратно в круг семьи.

Юэ Цянь отошел в сторону и набрал номер Е Бо, чтобы доложить обстановку. Капитан выслушал его с явным раздражением: полиция Цанлуна только-только согласилась на

сотрудничество, а клан Чжу уже здесь и настроен крайне враждебно.

Е Бо велел офицеру не спускать с них глаз, но пока не предпринимать резких шагов. Когда следователь вернулся в шатер, банкет уже подходил к концу. На сцене начались выступления. Юэ Цянь огляделся — Инь Мо нигде не было видно.

За столами осталась только компания ветеранов с завода. Они громко спорили, перемежая речь крепкими словечками. Кое-кто хвастался своим здоровьем и пытался перепить соседа. На скорбящих друзей они походили меньше всего.

Офицер бесшумно подошел к их столу, подцепил ногой пластиковую табуретку и уселся рядом. Когда на него обратили внимание, он дружелюбно улыбнулся:

— Почти все разошлись, пустите примоститься.

— Ты... родственник Лао Чжу?

— Сосед. Родители не смогли прийти, велели мне принести соболезнования и помянуть, — не моргнув глазом, соврал Юэ Цянь.

— Тогда пей! — перед ним тут же возникла бутылка пива.

Следователь с улыбкой принял угощение:

— Что ж, с удовольствием выпью с уважаемыми дядями.

Появление молодого собутыльника раззадорило стариков. Он отхлебнул из бутылки и вкрадчиво спросил:

— Вы все, небось, давние друзья Лао Чжу?

— Заводские — одна семья!

— Лао Чжу был мужиком правильным, широкой души! Если кто на нашем заводе и был самым щедрым, так это он!

Старики пустились в воспоминания. В их рассказах Чжу Цзяньшоу представал таким добродушным простаком при деньгах: стоило сказать ему пару ласковых, и он уже сиял от счастья, заказывая банкет на всех. Если кто проигрывал ему в карты и не мог отдать долг, Лао Чжу забывал об этом уже через пару дней.

— Вот что значит богатый человек! — гремел один из рабочих. — Мелочиться никогда не станет!

Следователь прищурился:

— А вы, дяди, смотрю, народ информированный. Когда про Лао Чжу прознали?

Старики переглянулись и начали указывать друг на друга:

— Не ты ли сказал? Или ты?

Выяснилось, что сегодня днем на территории завода поползли слухи, будто Чжу Цзяньшоу убили. Рабочие организовались сами собой, чтобы проводить товарища. Но когда доходило до первоисточника новости, все лишь разводило руками — никто не помнил, от кого услышал первым.

Компания хмелела на глазах. Один старик, с трудом ворочая языком, обмолвился, что завтра должны прийти и женщины с завода — тоже помянуть Лао Чжу.

В этот момент на сцене стало шумно. Началось оперное представление. Юэ Цянь поднялся, в голове слегка зашумело. Старики заставили его выпить больше, чем он рассчитывал, и мир вокруг начал слегка расплываться.

Он всмотрелся в сцену. Актер в амплуа дань в глубоких фиолетовых одеждах крутанулся, взметнув длинные рукава. Это движение показалось офицеру до боли знакомым.

Он, пошатываясь, подошел ближе, не сводя глаз с лица исполнителя. Если на похоронах Ли Фухая он мог не узнать Инь Мо по неопытности, то сейчас не узнать его было бы верхом слепоты.

Юэ Цянь пьяно икнул, не в силах оторвать взгляд.

«Надо же, какой красивый... Как у него получается быть такой красавицей? И поет ведь... Голос тонкий, чистый — того и гляди, связки задымятся от фальцета»

Алкоголь явно ударил не только по координации, но и по манерам. Юэ Цянь и сам не заметил, как расплылся в глуповатой, почти масляной улыбке, глядя на «красавицу» взглядом заправского гуляки. Инь Мо тоже давно его заметил: его длинные рукава то и дело пролетали в опасной близости от лица офицера.

Тот странный сон из новогодней ночи, где лицо обжигало шелком чужих рукавов, вдруг стал реальностью.

Хмель ударил в голову с новой силой. Юэ Цяню показалось, что просто смотреть — мало, нужно запечатлеть этот момент. Он достал телефон — тот самый дорогой аппарат за восемь тысяч, который купил ему Инь Мо. Камера снимала безупречно: каждый жест, каждый взгляд «красавицы» были видны как на ладони.

Юэ Цянь, увлеченный процессом, не заметил, как Инь Мо на сцене стал приближаться к краю. Затуманенный алкоголем мозг среагировал слишком поздно: Инь Мо уже спрыгнул и оказался прямо перед ним. Одним ловким движением он выхватил телефон из рук следователя.

Юэ Цянь замер в недоумении.

— Уважаемый гость, соблюдайте приличия. Телефон я пока заберу, — произнес Инь Мо. Контраст между его густо набеленным лицом красавицы и низким мужским голосом показался офицеру чем-то запредельно странным и даже извращенным.

«Это я-то неприличный?! Да ты сам... Чего голос-то не зажимаешь, ты же больше не на сцене!»

Инь Мо допел свою партию и ушел за кулисы перевести дух. Вскоре он снова вышел на подмостки. Было уже около десяти вечера. Согласно договору с жильцами, все шумные мероприятия в шатре должны были прекратиться к одиннадцати. У команды поминального бюро оставался последний час.

В этот момент за пределами шатра поднялся невообразимый шум. Похоже, сцепились две группы людей. Решив, что это недовольные шумом жильцы, Юэ Цянь поспешил наружу вслед за семьей Чжу. Но его глазам предстала иная картина: толпа молодежи с телефонами наготове, на штативах для стримов и с огромными плакатами в руках.

— Чжу Цзяньшоу — живодер! Даже смертью он губит невинных! Как вы смеете устраивать ему такие проводы?!

— Смотрите все! Вот поминальный шатер этого монстра! Пока его родня швыряет деньги на ветер, кто подумает о крошечном чихуахуа, погибшем из-за него? Кто подумает о бродячих псах, убитых полицией?!

Почти каждый в этой толпе вел прямой эфир. Свет от ламп и вспышек был таким плотным, словно они стояли на рок-концерте. Хмель мгновенно выветрился из головы офицера. Когда это полиция убивала собак?!

Сотрудники ТСЖ пытались сдержать напор стримеров, Чжу Мэйфэн и её родня стояли как громом пораженные. Старшая сестра задрожала от ярости:

— Да что вы себе позволяете?! Вы хоть понимаете, где находитесь?!

Стримеры, почуяв жертву, окружили её плотным кольцом.

— Гляньте на эту семейку! Она даже не понимает, что натворил её братец!

— Думала, раз богатая, так всё можно? Твой брат сдох — и это карма! Слышишь? Карма! Ха-ха-ха!

Хэ Ли отчаянно пытался заслонить жену, но стримеров было слишком много — горстка родственников не могла их остановить.

Юэ Цянь бросился на помощь, пытаясь навести порядок, как вдруг услышал крики со стороны сцены. Часть блогеров рванула туда.

— Какой век на дворе, а они этот средневековый цирк устраивают! Пережитки прошлого! Те, кто берет деньги у такого чудовища, — сами не лучше!

— Точно! Наживаются на смерти! Никакой совести! Орут на весь район среди ночи — и никому дела нет!

Тяжелый и длинный сценический костюм мешал Инь Мо быстро скрыться. Его начало затягивать в этот безумный, жадный до хайпа поток. В груди Юэ Цяня вспыхнул гнев. Он в два прыжка взлетел на сцену. Мощными рывками расталкивая стримеров, он пробился к Инь Мо и, встав перед ним стеной, закрыл его собой.

Следователь с яростью смотрел в объективы камер, полностью сосредоточившись на агрессивной толпе. Он не видел, как Инь Мо, стоящий за его спиной, внимательно смотрит на своего защитника, и как в его глазах на мгновение мелькает неподдельное удивление.

Юэ Цянь крепко обхватил Инь Мо за талию. Своим телом он прокладывал путь сквозь толпу стервятников, наживающихся на чужой смерти, и одним махом спрыгнул с ним с помоста. Длинные полы оперного платья взметнулись и опали в хаосе ночи, словно расплывшийся сгусток черной туши.

Они пробежали какое-то расстояние, пока офицер не убедился, что погони нет. Лицо его покраснелось от выпитого и бега, он тяжело дышал, пахнуло хмелем. Инь Мо молча смотрел на него, но в уголках его губ таилась едва заметная улыбка.

— Ты чего лыбишься? Работу твою сорвали, шатер чуть не разнесли, а ты радуешься? — Юэ Цяню показалось, что у парня в голове точно вода плещется, и он непроизвольно потянулся постучать пальцем по его лбу, словно пытаясь «выгнать» лишнюю влагу. — Если бы не я, тебе бы лицо в клочья расцарапали!

— Ну расцарапали бы, и что? — небрежно отозвался Инь Мо.

— Как это «что»? Это же твой рабочий инструмент! — Юэ Цянь, который и сам был не прочь полюбоваться в зеркало, решительно не понимал такого пофигизма.

Собеседник прищурился:

— Тебе настолько не всё равно?

Лицо следователя запылало еще сильнее, и не только от алкоголя.

— Сдалось оно мне...

Инь Мо снова усмехнулся:

— Но ты ведь меня спас. Иначе я бы остался с изуродованным лицом.

Юэ Цянь сжал губы, стараясь скрыть невольное довольство:

— Знай наших.

Со стороны шатра доносились всё более громкие крики. Офицер посерьезнел:

— Шоу на сегодня окончено. Быстро переодевайся и уводи своих. Эти люди ради охватов на всё пойдут.

Инь Мо вдруг перехватил Юэ Цяня за запястье:

— А ты куда?

Тот попытался высвободиться:

— Должен вмешаться, пока они там друг друга не переубивали. Я — полицейский.

С этими словами он вырвался из хватки Инь Мо и побежал обратно к шатру. Инь Мо остался на месте, задумчиво коснувшись пальцами виска, по которому Юэ Цянь только что постучал.